

ОБРАЗОВАНИЕ

Александр Нотин

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ ОСИПОВ. СЕКРЕТЫ И УРОКИ «МОЕГО» ПРОФЕССОРА

Встреча с главным профессором богословия России назначена нам в три часа пополудни в здании Московской духовной академии, что в Троице-Сергиевой лавре. Нам — это автору этих строк, офицеру-силовику из Ростова и профессору психологии из МГУ.

Выходной день. В Лавре как всегдалюдно. К раке с мощами преподобного Сергия выстроилась нескончаемая очередь. Переминаются под солнышком паломники, терпеливо дожидаясь благословения от исповедника и спасителя России. Последняя надежда и упование для русского сердца в лихую годину испытаний... Лица людей светлы.

Мы тоже отстояли положенные полтора часа, благо приехали в Посад загодя.

... Ждать себя Алексей Ильич не заставил. Не в его правилах. Ровно в пятнадцать ноль-ноль, минута в минуту, он вышел к ажурным воротам в МДА и широким жестом

пригласил следовать за собой: «Переговорим в каминном зале — там мы принимаем самых дорогих гостей». Первое впечатление: профессору за шестьдесят, седовлас, невысок, плотен, широкоплеч. Походка быстрая, лёгкая. Строгий бежевый костюм, элегантный галстук, военная выправка. Высокий, чуть резковатый голос, знакомый, по аудио- и видеозаписям, тысячам россиян, ищущих в наши непростые дни пути духовного исцеления и спасения во Христе.

Задача человека на земле — отыскать свой «узкий путь, ведущий в жизнь». Думается, что путь этот не один для всех, а каждому — свой. Иногда он представляется мне этакой извилистой тропой в необозримом смрадном болоте сегодняшнего греховного бытия («пространного пути, ведущего в смерть»), и надо не только суметь отыскать эту «свою тропу», но ещё и удержаться на ней, не потерять её. Промысл это ведь ни в коем случае не случайность — так учат

Святые отцы. И это вовсе не сила, директивно управляющая людьми. Это стопроцентная синергия воли каждого человека с Божьей волей: как уникальна и неповторима душа человеческая, так уникален и неповторим её путь к вечности. Даже спасти нас без нашего желания и волевого устремления Бог не может. «Бог спасает нас не без нас!»

Свою «тропу» к Христу мне смогли найти несколько вполне конкретных людей. Для меня — посланцев Божьих.

Первый в этом ряду — оптинский иеромонах Илий. Когда-то давно, в прошлой моей лихой и бездумной жизни он посмотрел мне в глаза и короткой фразой «в Православии всё есть!» одним махом разрушил все эзотерические замки, которые к тому времени успели нагромоздиться в моей несчастной и измученной страданиями голове.

Второй Божий посланец — православный американец Серафим Роуз, который протянул мне руку незримо, издалека и заочно — через свои книги и статьи. Он поделился со мной опытом собственных трудных духовных скитаний (надо же, даже он скитался!) и пронзительными рассуждениями о святой вере Христовой и пути к ней современного человека.

Профессор Осипов, сам того не ведая, стал третьим моим наставником. Он довершил превращение крещеного язычника в не-

офита. Если старец Илий, образно говоря, установил меня на твердую почву веры, а пустынножитель Роуз показал, где мой «узкий путь», то Алексей Ильич научил делать на этом пути первые робкие шаги, предостерег от многих ошибок и заблуждений, которыми, как минами, усеян путь духовного делания, а заодно явил моим глазам тысячелетнюю красоту и мудрость Святых отцов. Его лекциями о христианстве я заслушивался в машине и дома, книгу «Путь разума в поисках истины» штудировал, как студент, с карандашом в руках. Потом снова всё заново переслушивал, пересматривал, перечитывал. Сама жизнь вливалась этим словом в мои иссохшие жилы и нервы. Высокими токами осиповского повествования открывался мне доселе неведомый (это при всех-то высших образованиях и научных регалиях!) архипелаг знаний, имя которому — Писание и Предание Церкви Христовой. Открывались страницы «энциклопедии» мира незримого, храма «науки наук», содержащего бесценные сведения о Боге, человеке и вселенной, полученные не от земнородного ума, а от Всевышнего Первоисточника. Параллельно, шаг за шагом открывались знания, не удивляйтесь, о самом себе, обретаемые каждым из нас лишь по мере и в результате мучительного личного преображения в положительном, христианском смысле.

ОБРАЗОВАНИЕ

Естественно, осваивая богословие Осипова, я не мог пройти мимо размышлений и о нём самом, о его личности. В чём тайна притягательности этого человека для множества нас — людей, по большей части не просто далёких от ограды церкви, но ко всему прочему ещё и изначально циничных, недоверчивых, рационально-заносчивых? В общем, духовно беспризорных. «Блудных сынов», не ведающих Отца своего небесного.

Беспризорники ведь — публика тонкая. Нервная и капризная, задирстая и решительная. С ними ещё надо повозиться, чтобы найти общий язык, «спеться» — иначе ничего не выйдет, разбегутся кто куда! Именно здесь, как мне кажется, кроется один из «секретов» Осипова. Алексей Ильич не подавляет проповедническим напором, не упивается втайне собственной эрудицией (чем, увы, грешат некоторые из его не менее маститых коллег), не подстраивается под сиюминутные настроения аудитории. Изболевшим и встревоженным своим сердцем Он взывает и ищет отклика в заблудших сердцах, делится с ними сокровенными мыслями, предлагает им Слово божье как спасительное лекарство от страха и смерти, как надежду на новую Землю.

...Честно говоря, собираясь на эту встречу, я немного волновался: боялся разочароваться. Как часто доводится слышать с высоких

«православных трибун» правильные слова о смирении и служении, призывы к подвигу во имя Господа и ближнего..., а потом терзаться соблазном осуждения, видя, как эти декларации в некоторых «мелочах» расходятся с делом.

Сомнения мои и страхи оказались, слава Богу, напрасны. Даже сам неброский, вполне светский облик известного профессора как бы подчёркивал его близость к нам, простым смертным, ради которых он живёт и, не покладая рук, трудится. Вот ещё один «секрет» Алексея Ильича!

Беспризорник ведь по природе своей сторонится благочинья внешней церковности. Пусть это опрометчиво и неразумно с его стороны, но его пугает «сановное» облачение иерархов, борода и рясы священства, паникадила и... собственное невежество в понимании тонкостей церковной жизни. Беднягу надо просто понять и пожалеть. В духовном смысле он ещё младенец. Его для начала надо отогреть и отмыть, приодеть и приободрить, не вредно и подкормить с ложечки «тёплым молоком», пока он не привыкнет к более твёрдой духовной пище. Ему надо многое объяснить из разряда азбучных православных истин, выдернуть из его души немало духовных сорняков и терний — следов «кое-каковского» светского образования.

Именно этот чудовищный онтологический провал, поразивший девять десятых нашего постсоветского общества, и старается заполнить своим проникновенным словом «мой Осипов», оказавшийся при личном знакомстве точно таким, каким я его себе и представлял. Даже отсутствие на его лице бороды, оказывается, имеет свой скрытый и важный смысл. На вопрос «почему» Алексей Ильич хитро ухмыляется и отсылает к своему духовному учителю — игумену Никону (Воробьеву), письмами которого я зачитывался и зачитываюсь до сих пор наравне с трудами древних отцов; оказывается, это он, отец Никон давным-давно отсоветовал «Лешеньке» отпускать бороду, поскольку, «это внешнее».

Был ли тот совет случайным, или отец Никон прозревал, какой крест миссионерского служения ожидает его юного воспитанника — тогда ещё семинариста Осипова — в мучительно-переломные для России годы лихолетья, на стыке двух тысячелетий? Как знать? Плод духовных трудов отца Никона оказался, как воздух, созрел ко времени, указывая пути «блудным сынам» перестройки. В силу беспримерной «испорченности» рационализмом этому поколению практически закрыт путь прямой, интуитивной веры. Ему надо знать о вере всё и сразу, глубоко и панорамно, строго и научно. Иначе не сломать камен-

ного панциря «эго», окружающего «внутреннего человека» — душу живую! Иначе не принять Бога, ибо «Царство небесное внутрь вас есть». Таково оно, «второе принятие» Христа, болезненное и, как писали Отцы, «непадетельное». Люди образованные и успешные добровольно отбрасывают и свою показную напыщенную образованность, и сытую свою успешность — вообще всё наружное... ради чего-то сокровенного, неопределимо-трепетного, тревожащего душу в самых её основаниях. С помощью Осипова это «что-то» со временем приобретает вид академической стройности и эмпирической достоверности, которую так легко и так трудно (но можно-таки!) испытать на себе опытно, и даже — ура! — ошутить вдруг лёгкое прикосновение к себе благодатной десницы Божьей. И вот тогда уже — прочь сомнения! — ухо начинает вслушиваться в вечные зовы Вселенной, око напряжённо внимать скрытым смыслам евангельских откровений, иссохшее от неверия сердце — неумело открываться благодатному теплу настоящей любви, исходящей от настоящей жизни!

Профессор Осипов — не сладкоречивый утешитель, но требовательный взискатель предельно строгого, по сути, монашеского подхода к духовному домостроительству. Собственно говоря, иного и быть не может, ибо заигрывание с миром страстей, со-

ОБРАЗОВАНИЕ

гласно Святым отцам, неотвратимо влечёт человека к поражению и порабощению духами злобы. Стяжание Духа Святого невозможно без осознания собственной «нищеты духа» и собственного же бессилия перед осаждающими душу «духами злобы поднебесной», без того, чтобы молитвенно и слезно выпрашивать у Господа помощи и спасения. Путь духовного исцеления не просто узок — он ещё и бесконечно труден, тернист и мучителен. Все мы, словно язвы, покрыты невидимыми — даже для самих себя — духовными болячками; малейшее прикосновение к ним, особенно со стороны третьих лиц, причиняет жуткую боль. Но лечить-то надо! Фактически вопрос стоит так: или живи по Отцам, или расстанься с мыслью о победе над смертью!

В своём собеседнике я увидел пример новой и настоящей русскости, элиты духа, сочетающей с одной стороны, тонкую светскость и классическую, увы, почти утраченную в эпоху постмодернизма мягкую интеллигентность, а с другой — какую-то предельную внутреннюю напряжённость, почти монашескую собранность. Простота и глубина. Обаяние и строгость. Впечатление такое, будто человек, исполняя некий круг обязательных внешних служений (включая сюда и встречу с нами), душою пребывает в непрерывном сосредоточенном бдении. В молитве? Не знаю, может быть,

это только догадки, но ощущение это не оставляло меня на протяжении всего почти трёхчасового разговора.

— Вы живёте здесь, в Сергиевом Посаде? — интересуюсь я.

— Да, рядом с Академией, минут пятнадцать ходьбы. За руль авто сажусь редко, разве что на улице совсем ненастно... да и с педалями у меня беда. Когда-то в машине их было целых три, и приходилось всё время вспоминать, какая для чего. Теперь, слава Богу, их только две...

— А как вы воспринимаете собственную известность?

— Осипова не люблю, книг его никогда не читаю, лекций не слушаю и не смотрю!

Вот так дела! Добрых пятьдесят часов всевозможных аудио- и видеозаписей этого человека сумасшедшими тиражами «гуляет» по стране, возбуждая умы и заставляя думать и жить «инаково», и на тебе — «не люблю»!

Впрочем, если постараться, понять тоже можно. Служение ведь это добровольная каторга, а не сладостное, хотя порой и трудоёмкое, взбирание на гору брэнной славы. Апостольский труд. Сейчас и времена-то напоминают апостольские, раннехристианские. Все до последнего «измы» обанкротились, плавают, какдохлая рыба, брюхом кверху. Поезд бездушной цивилизации несётся под откос под завывания платных апологетов. Мил-

лиардам его пассажиров, зажатым внутри и погруженным в изучение Интернета и комиксов, даже невдомёк, куда он летит: видеть пропасть могут только те, кто в кабине машиниста или... кто вообще не в поезде. Нужны, ох, как нужны сейчас именно такие люди — понимающие, что происходит и что делать, стремящиеся предупредить об опасности, перекричать грохот летящего под откос эшелона.

Неужели мы действительно вступаем в новый этап исторического христианства? Чем-то наше время напоминает Константиновский Рим, когда узаконенное первым верующим императором православие схлестнулось с инерцией господствующей в империи языческой среды. А чем-то — нет. Церкви в России строятся нынче так же быстро, как когда-то разрушались. Если не быстрее! Но подлинное, глубокое святоотеческое исповедание Христа укореняется медленно: этому противодействует, одной стороны, показная обрядовая церковность, а с другой — господствующая в обществе атмосфера безликой потребительской «резомы» — тупого, постмодернистского «мне» и «на всё наплевать» вкупе со злейшими формами безбожия, узаконенным телевизионным развратом и кощунством, тоталитарными сектами и прочими проявлениями клеветы на Духа Святаго. На службе «резомы» — огромная медийная машина всё ещё языче-

ского, по природе своей, государства. Невидимая сеть из тысяч взаимосвязанных ячеек-проектов — от секспросвета в школах до злонамеренного развала русской деревни — наброшена на поверженную страну с целью подорвать духовные корни Святой Руси. Вера растёт не благодаря, а как бы вопреки историческим «трендам»; впрочем, всё так и есть — «мудрость мира сего есть безумие пред Богом». Вера возрастает там, где её, по всему, и быть-то не должно, где, казалось бы, дотла выжжены и по ветру развеяны её древние генетические коды и корни. Она является как бы ниоткуда, как бы с чистого листа, и для неё, для такой веры просто жизненно необходимо прямое и разящее апостольское слово. Честное и нелицеприятное! Пробуждающее и сотрясающее! Только тогда божественная энергия транслируется от одного человека, «стяжавшего дух мирен» к другому человеку, к тысячам других людей, и под тёплыми лучами этой благодати происходит чудо возрождения и преобразования.

Так однажды случилось и со мной. Несколько лет назад Слово достигло моей души. Оно отогрело её и осветило дивным светом «разума истины». За плечами моими тогда не было ничего, что вело бы к храму. В семье за всех молилась одна мать, и то втайне от отца — фронтовика и убеждённого коммуниста

ОБРАЗОВАНИЕ

(Царство небесное вам обоим, дорогие мои родители!). В школе и престижном вузе — «научный атеизм»: благо хоть по-брежневски вялый и равнодушно-казенный, далеко уже не воинствующий. После такой «санобработки» душа и вправду стала чистым листом: старая «вера» рассеялась, новой не образовалось. Однажды милостью Божьей — спасибо Ему, всевидящему и благому! — я пережил личный кризис, хирургическую операцию на «внутреннем человеке» и... обрёл наставников в лице старца Илия, святителя Серафима Роуза и профессора Осипова. Душа ожила, встрепенулась и начала жадно поглощать остро недостающие ей «духовные витамины». А как иначе? — она же по природе своей христианка. Просто требует своего!

И пусть иной учёный фарисействующий богослов «с огромной головой» проворчит, что лекции Осипова это всего лишь адаптированный пересказ святых отцов, а другой, облечённый саном, посетует — мол, «не всегда канонически точен профессор» — пусть! Не Божье это дело — судить. И потом суть проблемы, насколько я понимаю, не в аутентичности изложения догматов (этим, как известно, «грешили» даже святые отцы, писавшие «о неизреченном» каждый немного по-своему — в разные эпохи и на разных языках). Дело в неодолимой силе и правде самого Сло-

ва Истины. Осипов промывает нам, спящим, духовные глаза, пробуждает от летаргического сна безбожия. Убеждён: не будь его горячего, искреннего и умного призыва, для меня вера и святые отцы так и остались бы terra incognita. Абстрактным и отвлечённым знанием, сухой традицией, книжками на полках церковных лавок. Теперь же я учусь жить по Христу. А отцы? Только их теперь и читаю. Беллетристику и детективы выбросил прочь. Времени жалко тратить на пустое занятие: кто, у кого и сколько украл, кто с кем развёлся или кто на ком женился? Какая мне разница? Этих сюжетов, реальных и выдуманных, каждый и в своей жизни знает дюжинами. Историй миллиарды — кратно больше, чем живущих людей. К чему грузить голову подобной чепухой? Чего в ней полезного? Не лучше ли посвятить оставшееся время жизни — тем паче, неизвестно, сколько его осталось! — познанию и изменению себя. Здесь, в собственной душе, и интрига отыщется, и трудов невпроворот. Бесконечно прав профессор Осипов: сегодня именно святоотеческого, то есть горького и чистого лекарства для души, остро не хватает нашему православному народу, чтобы создать «закваску» новой России, стать действительно Божьим.

Осипов — это ещё и потрясающая (во всяком случае, для языческого сознания) мысль о том, что

нельзя изменить мир, не изменив прежде самого себя, не выдавив из себя по капле «ветхого человека», не соединившись — через самоочищение — с Богом Творцом, не став Ему вольным помощником. И верно: невозможно изменить к лучшему то, чего сам не создавал чего по-настоящему не знаешь и чего не довёл своими руками до совершенства — ни природы, ни человека, ни общества. Ничего! Невозможно научить игре на скрипке, не умея играть на ней. Рассказать «про игру на скрипке» с грехом пополам ещё можно, а вот научить ребёнка — нельзя. Призыв Осипова для меня это «глас вопиющего» в пустыне: друзья, очнитесь, понуждайте себя жить по заповедям, это единственный путь соединения со Христом, а через Него и с Богом Отцом, с Духом Святым! Только так, по благодати, даруемой свыше, можно достичь духовного преображения, ведущего к вечной жизни, к спасению! «Суть религии, — уверяет нас Алексей Ильич, — в преображении человека, когда тот действительно меняется: был гордым — стал скромным, был завистливым — стал смиренным». Ему, смиренному, даётся Благодать, а гордому Бог противится.

Главная забота и главная боль профессора Осипова — судьба Русской Православной церкви. Это он разъяснил мне, что нет и не может существовать деления на «я» и «Цер-

ковь». Есть одна лишь Церковь, в которой, как в едином Теле Христовом, свободно и неразлучно собраны и соединены все мы: новички и старцы, миряне и монахи, прихожане и священники. Подобно утесу Церковь отражает наскоки падшего мира, и, хотя ржа и ересь тут и там дают о себе знать даже здесь, «врата ада не одолеют её».

Ржа — это бесовской дух равнодушия и обыденности, отталкивающий от человеческого сердца светлую благодать. «Увы, — сокрушается Алексей Ильич, — сегодня многие, находясь в церкви, перестают замечать её и чтить как Обитель Божию. Храм становится чем-то обыденным: вторым жильём, местом службы, кругом общения... чем угодно, только не святым алтарем, незримо соединённым с небом. Вообще — продолжает он эту мысль, — увлечение внешним планом в вере, в религии, в Церкви — страшная угроза, нависшая над православием. Особенно сегодня, когда, как грибы после дождя, выросло целое словесие церковных «хозяйственников», «менеджеров», «управленцев» — словно речь о какой-нибудь фирме или корпорации! Всё больше становится суеты и нарочитой деловитости, расчёта, словесной шелухи. Слепцы! Но нередко именно таких духовно слепых ставят у руля... Только по степени внимания к внутренней жизни наша

ОБРАЗОВАНИЕ

внешняя, социальная жизнь приобретёт, точнее, может приобрести положительный, устремлённый к Богу характер».

Мир с его страстями и предрасудками всеми силами стремится проникнуть, просочиться в святая святых Церкви, насадить там свои порядки и «ценности», растворить её себе, лишиться имманентно присущей ей «неотмирности» и, таким образом, заставить служить себе. Отсюда всё более настойчивые призывы к включению РПЦ в глобальные общественно-политические процессы, в борьбу за права человека, материальное блага и социальное развитие. Мало кому приходит в голову мысль о совершенной неуместности и опасности такой постановки вопроса: Церковь неотмирна по природе своей, и, очевидно, настолько же ослабевает, насколько «прилепляется» к материальному и плотскому миру. С другой стороны, способна ли она своими силами, хотя бы в малой степени восполнить тот чудовищный урон, который причиняется той же коррупцией, или, может быть, её главная задача — просвещать, исповедовать и преобразовать самих «носителей» казнокрадства — чиновников и дельцов? Не бороться с мельницами надо — так я понял Алексея Ильича, а «изучать, осваивать и усваивать законы духовной жизни».

Мой друг из Ростова коснулся жизни православных приходов. В

небольшой офицерской общине, к которой он принадлежит, еженедельно, после молебна в честь Дмитрия Донского принято обсуждать Евангельские темы. Не пахнет ли тут протестантизмом?

«Если примитивно мудрствовать от ума, да ещё и богословствовать на свой лад, — отвечает Алексей Ильич, — действительно может выйти чистый протестантизм. На Западе докатились уже до того, что друг друга причащают. Надо осторожней быть этих вещах. Понимать, что «сокровище, вынесенное наружу, будет украдено». В кругу единомышленников, в семье очень полезно читать Евангелие и апостолов, но непременно не от себя, а как бы глазами святых отцов, через их восприятие, их рассуждение. Надо знать, каких Отцов читать: истинных, аскетических, а не каких-нибудь... разных».

Впрочем, по словам блаженной памяти отца Никона, куда важнее любых богословских бесед научиться «носить тяготы друг друга» — одного этого, оказывается, достаточно, чтобы «исполнить закон Христов», то есть спастись. А ведь терпеть скорби, в том числе и, на первый взгляд, незаслуженные, смиряться под крепкую руку Господню, поститься, молиться, вести по силам духовную брань с невидимым врагом — ох, как это непросто и как немало значит в нашей суетной жизни. «В Академии

я часто говорю студентам, — хитро улыбается профессор: «Ну-ка, позовите сюда беса!». Зачем? Бес знает догматическое учение лучше всех высоколобых профессоров богословия, вместе взятых. Он не просто верит, что Бог есть — он доподлинно знает, что это так. Но если предложить ему перекреститься и поклониться Христу... глянь, и нет лукавого!»

А православные братства — правильная форма общинной жизни?

«Как сказать, — пожимает плечами Осипов, — в принципе накоплен богатый и детально описанный в исторических хрониках опыт православных братств: как они создавались, как были устроены, как работали, какую роль сыграли в защите Православия. Но сейчас эта форма не очень-то распространена. «Наверху» к ней отношение сдержанное, если не сказать настороженное. В известной мере, для этого есть основания: теряя исходную благодать, братства иногда могут вырождаться в секты. В РПЦ по этому поводу в своё время имела место весьма бурная дискуссия. В конечном счёте, решили, что братства могут работать только при условии полного подчинения правящему архиерею. Это спорный тезис. Во-первых, епископ может навязать в руководство братства верного себе человека, «пешку»; а во-вторых, он и сам не вечен, может смениться

на посту, а там, кто знает, как работает пресловутый этот «субъективный фактор»? Раньше в монастырях игумена избирала братия, теперь же их чаще всего назначают, «подсылают»... и «смягчения в этой части я не ожидаю. Инославие вообще наступает широким фронтом! — продолжает профессор. — Взять хоть, к примеру, недавнее выступление митрополита Филарета (Минского) в Риме. Дословно не помню, но по смыслу сказано буквально следующее: настало время для полного объединения католической и православной церковью. Обе они ждут этого часа. И ещё: встреча Папы Римского и Патриарха РПЦ не за горами, и мы уверены, что она будет иметь огромное значение для наших церквей.

«Церковь — не птичка в клетке, — тихо произносит Алексей Ильич после небольшой паузы. — Она как гармонь: растянется — сколько в ней воздуха, благодати, Духа! Сожмётся — и, кажется, не осталось совсем ничего — но Дух всё же и тут есть, только меньше. Макарий Великий учил, что Церковь это душа человеческая. Сейчас она оскудевает благодатью, и, похоже, мы с вами становимся свидетелями заключительного периода убывания Церкви. Христос прямо обозначил эту печальную «конечность», задав вопрос: «Когда приду, найду ли веру на земле?»».

ОБРАЗОВАНИЕ

Как нам быть в этой ситуации? Душу хранить, и делать добро в меру сил. «Мы должны оставаться Церковью, Телом Христовым: молиться, исповедоваться, причащаться, жить по заповедям. Пока нас окончательно не вытеснили... Катакомбы, староверство? Чепуха! От кого сейчас нам скрываться?»

Коллега из МГУ коснулся темы молодёжи: мол, молодые университетские «рационалы», несмотря на соблазны века сего, всё же интуитивно тянутся в сторону иррационального, духовного.

«Тянутся, да ещё как! — подтвердил Осипов. — Недавно меня пригласили в один из университетов Вологды. Ректор выделил полтора часа, но на всякий случай извинился — студентов, мол, скорее всего, придёт немного — от силы человек двадцать. И что же? Зал был полон, в него набилось человек четыреста, стояли в проходах. И долго потом не отпускали...»

Духовное оскудение затрагивает, прежде всего, не внешние формы: они вторичны и производны по отношению к своему источнику — внутреннему, интимному, закрытому от всех состоянию души и духа человека. «Даже в монастырях, — сетует наш собеседник, — теперь трудно спастись. Афонский образец в России нигде до конца не реализован. Лавра ведь, прежде всего, монастырь, место уединения, подвига, молитвы. И что же? Женщины

бродят толпами, порой самого фривольного вида, отвлекают монахов от молитвы, заставляя их, бедных, главные свои силы устремлять не на достижение духовных высот, а на борьбу с животными страстями и плотскими соблазнами. Уже и на клиросе женщины поют... А потом, когда иной послушник является за благословением жениться (!), монастырское начальство не желает даже выслушать его. «Кайся, мол, тогда буду с тобой говорить!» ... Им самим сначала надо каяться — не молоденького монашка вина, что решил он жениться, а тех, кто не смог или не захотел создать ему нормальных условий в монастырском общежитии».

А младостарцы?! Сколько их, лжепророков «последних дней», адептов «пагубного комедианства», по хлесткому выражению святителя Игнатия Брянчанинова, объявилось на почве русской беды!

Профессор Осипов считает это явление свидетельством глубокого духовного обмирщения современного российского общества. Любопытно, но в этот день, не сговариваясь, мы коснулись фигуры некоего отца В., слывущего в околицерковных кругах выдающимся старцем.

Так вышло, что незадолго до поездки в Лавру по рекомендации знакомых я оказался в городе Б. специально, чтобы встретиться с отцом В. Было раннее, морозное утро. Перед

кельей старца в коридоре братского корпуса толпился народ — десятки людей. Было душно. Какие-то паломницы, сменяя друг друга, пели псалмы. Многие из них прибыли издалека, некоторые — с малыми детьми. Вместе с остальными я ждал приёма, продвигаясь к заветной двери сообразно командам пожилого «повелителя очереди» с явно военным прошлым и вахтёрскими замашками. Было уже понятно, что многие, если не большинство из присутствующих, так и не дождутся приёма в этот день, и останутся ночевать, чтобы завтра снова занять очередь к старцу. (Ох уж, эти наши русские очереди и эти неумолимые вахтёры, норовящие «не пущать» даже в стенах святой обители!).

В томительном ожидании минуло часа два. За окном начало светать. Вдруг, нарушая тишину, к двери кельи отца Б. пробилась молодая женщина с грудным ребёнком на руках. Она была на грани истерики и просила только об одном: немедленно пустить её к старцу. «Вахтёр» принялся урезонивать её, но тут заветная дверь открылась, и вышел сам отец В. Я видел его впервые — в рясе, невысокий, полный, с открытым, благообразным лицом. Я ожидал от него чего угодно: слов утешения, приглашения войти, чего-то ещё в том же духе... но случилось иное. И оно повергло меня в шок. В. принялся жёстко отчитывать несчастную женщину, велел ей немедленно покинуть

помещение и предупредив, что никогда больше её не примет! Дальше всё шло, как в тумане. Дождавшись своей очереди, я механически зашёл в келью, мы поговорили с о. В (почти уж и не помню, о чём). Уехал я от него со смешанным чувством стыда и смущения, какое, наверное, бывает всякий раз, когда не понимаешь, что думать и как поступить. Постарался быстрее забыть, стереть из памяти этот случай из памяти.

И надо же! Рассуждая о проблеме «младостарчества» (то есть людях, принимающих на себя вид древних, духоносных старцев, не имея их духовных дарований), Алексей Ильич неожиданно в качестве примера упомянул уже знакомого нам отца В. Однажды к тому пришла женщина, у которой потерялась малолетняя дочь. «Старец» уверенно отправил мать на поиски ребёнка в один из районов Москвы, заявив, что девочка находится там. Однако, уже на следующий день — можно представить себе состояние бедной женщины! — ребёнка нашли мёртвым на дне соседского пруда.

Или другая история с тем же «старцем». Лично знакомая нашему профессору супружеская пара приехала на встречу с «прозорливым» отцом В. Первой в келью входит жена. Диалог:

— Ну, здравствуй, Татьяна, проходи.

— Не Татьяна я, Ниной меня зовут.

ОБРАЗОВАНИЕ

— Давно пьёшь?

— Не пью я вовсе, батюшка, ни капли не принимаю спиртного! С самого детства не пью.

И так далее, в том же духе.

С мужем — тот же конфуз.

Настоящие духовидцы своим «духовным оком» прозревают, конечно, неизмеримо больше, чем сообщают собеседнику. Знание будущего для большинства из нас бесполезно и даже опасно: погружая в уныние или радость, оно мешает нам молиться и уповать на волю Божию. В наше время и старцев, равных по силе древним, не осталось. А остались лишь, по словам Алексея Ильича, «старшие, духовно более опытные отцы», но и они «не вправе командовать, а могут лишь советовать, призывая наставляемого проявлять рассудительность и принимать собственные решения».

«Какую роль в вашей жизни сыграл игумен Никон?» — спросил я, зная, что профессор длительное время состоял в духовной переписке со старцем.

«Да, он мне писал, — подтвердил собеседник, — это он вдохнул в меня жизнь, разомкнул мне уста. Прежде у меня и в мыслях не было проповедовать... Удивительный был человек! С ним одинаково легко было общаться и взрослым, и детям. Силища от него исходила великая. Таких сейчас нет: бывает, встретишь человека — чистый,

светлый, святой, но нет в нём подлинной глубины ведения, он — как духовный младенец».

Из Лавры мы уезжали окрылёнными. Про себя я отметил: усталости никакой. Что же, видно, и на нашу долю досталась частичка той духовной силы, которую когда-то передал Алексею Ильичу преподобный отец Никон. А ему, в свою очередь, тысячи и тысячи подвижников Церкви — от самых истоков, от Христа распятого, от Духа Святого. Я ехал с чувством, будто погрелся у незримого костра. И ещё одно неожиданное чувство: вдруг я ощутил, как своё, одиночество профессора... А ведь, и правда, много ли сегодня в России таких самоотверженных миссионеров, питающих живым словом божьим наше больное общество? Три четверти преподавателей МДА, по словам профессора, в той или иной мере признают себя его учениками, однако «мало, кто из них говорит о духовной жизни, духовной брани. Кто-то вгрызается в догматы, кто-то изучает каноны, кто-то углубляется в историю Церкви...».

Каждый из нас уезжал из Лавры, чтобы нести свой малый крест. Профессор Осипов остался, чтобы до конца донести свой. Не знаю, как Алексею Ильичу, а нам стало чуточку радостнее и легче: словно мы через него прикоснулись к вечности.